

7-Я ТЕРАПИЯ -

НАДЕЖДА

НЕЛИДОВА

ЭТО АД!

Надежда Нелидова

7-я терапия – это ад!

«Издательские решения»

Нелидова Н.

7-я терапия – это ад! / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968873-6

Боевое крещение. Заступил на смену в 7 утра, закончил в 7 следующего утра — и на лекции. Шёл в раскоряку, как ночная бабочка с полицейского субботника. Дома не мог уснуть: в голове, как стёклышки в калейдоскопе, мельтешили картинки прошедшей смены. Ноги ломало как у девяностолетней старухи. Именно древние старики и старушки — основной контингент 7-й терапии. А ещё бомжи, нарики, цыганки-попрошайки и прочий антисоциальный элемент. За глаза нас называют богадельней, бомжатником, шалманом.

ISBN 978-5-44-968873-6

© Нелидова Н.

© Издательские решения

Содержание

7-я ТЕРАПИЯ – ЭТО АД!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

7-я терапия – это ад!

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-8873-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

7-я ТЕРАПИЯ – ЭТО АД!

– Дольше месяца никто не выдерживает. Куда угодно, только не в 7-ю терапию, – примерно так говорили выпускники академии нам, желторотикам четверокурсникам. Советовали переждать, порыскать, поискать хорошие вакансии. Только, упаси бог, не в 7-ю терапию!

Впрочем, советчики сами себе и отвечали: да где найдёшь, тёпленькие-то места плотно заняты «блатными». Для них – нормальные клиники, четверть ставки по выходным. Их сразу отличишь в толпе студентов: по общему скучающему, вальяжному виду и свежим, выпавшимся лицам, по классному прикиду.

Нас называли «птенцы Скворцовой», или – «скворчата». Мы были первой опытной партией собачек студентов медиков, на нас обкатывали Положение об интернатуре, вернее, её ликвидации.

Кратко для *imprudens* (несведущих). Раньше студенты выбирали свою стезю после шести лет учёбы. Ломали зубы не о цельный гранит науки, а целенаправленно и усердно «выгрызали» облюбованный кусочек. Будущий хирург учился делать операции, гематолог изучал кровь, онколог – опухоли, ЛОР – заглядывал в уши-горло-нос...

Но в налаженный ход событий вмешались реформы. Никаких интернатур! Прежде чем завоёвывать недостижимые, сияющие высоты узких специальностей – пожалуйста отсидеть терапевтом на приёме – в идеале в населённом пункте Заедрёнки.

Помните, археолог в «Джентльменах удачи» говорит: *«Посадят вора в чан с дерьмом... и возят по городу. А над ним янычар с мечом, и через каждые пять минут как вжи-ик мечом над чаном. Так что если вор не нырнёт – голова с плеч. Так весь день в дерьмо и нырял».*

Теперь вместо «вора» поставьте участкового терапевта, вместо «янычара» – пациента и чиновника, а вместо «каждые пять минут» – 15 минут, отведённых на приём больного. И картинка готова. А не хотите нырять в дерьмо – нарабатывайте стаж во время учёбы.

Они хотели разом убить трёх зайцев. Решить вопрос с острой нехваткой среднего медицинского персонала (вкалывать за гроши дурных нема) – раз. С острой нехваткой терапевтов (вкалывать за гроши дурных нема) – два. С переизбытком узких специалистов в платных клиниках – три. Иначе эти негодяйчики и поцы в белых халатах (то есть мы) дружно рвали в лакомые деликатные отрасли: проктология, урология, гинекология, дерматовенерология и пр. Твари неблагодарные. Оголяли передовую – муниципальные больницы.

Странно, почему чиновникам не пришло в голову убить трёх зайцев другим способом: просто нормально оценивать труд докторов? А то ведь у врачей не зарплата – а раздача супа бездомным.

Боевое крещение. Заступил на смену в 7 утра, закончил в 7 следующего утра – и на лекции до вечера. Не могу сказать, что устал как собака, потому что сравнение не корректно. Псина бежит на солнышке, обдувается ветерком, нюхает травку, у какого хочет дерева остановится. А когда лапы устанут, свернётся и подремлет на крышке люка центрального отопления.

Шёл домой в раскоряку, как, извините, ночная бабочка с полицейского субботника, двигая ногами как циркулем. Рухнул на диван, но уснуть не смог: в голове, как стёклышки в калейдоскопе, мельтешили картинки прошедшей смены. Ноги ломало как у девяностолетней старухи.

Именно древние старики и старушки – основной контингент 7-й терапии. А ещё бомжи, нарики, цыганки-попрошайки и прочий антисоциальный элемент. Тех, от кого отказались прочие больницы – принимаем мы. Как высказалась старшая сестра Алевтина, в неуклюжую рифму: «Свозят всё г..., которое никому не нужнО». За глаза 7-ю терапию называют богадельней, бомжатником, шалманом.

Каким образом родственникам удаётся сплавлять престарелых дедушек и бабушек на дефицитные койкоместа – тайна сия велика есть.

Перед этим родственники посещают кабинет заведующей и проводят там довольно продолжительное время. Замечено, что обе стороны расходятся чрезвычайно довольные друг другом. Разрумянившаяся как девочка заведующая запирает ящик стола, а оживлённые родственники, засовывая в карманы опустевшие бумажники, спешно несутся прочь – не исключено, продавать по доверенности дедушкины-бабушкины освободившиеся квартиры. Больше мы родственников не видим – разве что приедут забирать тело.

В праздники и выходные, когда больница пустеет, отказники как малые детдомовские дети хныкают и просят домой. В первое время я пытался их утешить, присаживался, расспрашивал о доме, о детях и внуках. Сейчас проношусь мимо как электровеник: элементарно не хватает времени.

Один дедуля кричал как резаный. Пришёл с осмотром врач. «Чего он у тебя орёт на всю больницу?» Склонился, прислушался. «Домой просится. Думает, мы его похитили и насильно держим. Эй, дедушка, мы бы со всей душой, да за тобой не пришли. Не при-шли!»

Всё равно кричал, пока не вкололи феназепам.

9 мая. Умер пожилой мужчина. Поступил с головокружением и лёгкой тошнотой. Привезли на скорой, из приёмного покоя подняли вечером. Врач не успел даже до него дойти на вечернем обходе. Впрочем, как и на утреннем: на нём одном три этажа. Оптимизация!

Известно, что у него семья, но навещала только сестра. Приносила магазинное, самое дешёвое: плавленый сырок, пачку сока, пачку вафель. С гордостью мне рассказывал, что является участником тылового фронта. В двенадцать лет встал к станку. Чтобы дотягиваться до пресса, под ноги ставил ящики из-под патронов. Греть коченевшие ручки бегал к костру, его разжигали прямо в середине цеха.

Пока штамповал патроны – больше всего на свете боялся свалиться и уснуть где стоял. Однажды шёл домой мимо пекарни – привалился к забору, потерял сознание от сытного хлебного духа. Замёрз бы в сугробе, спасибо, прохожие растолкали.

Рассказывал, всё больше замедляясь, путаясь и заплетаясь языком. И вдруг умолк, голова запрокинулась. Рот слева мелко задрожал, потёк слюной и изогнулся подковой книзу, и левая рука упала как плеть. Инсульт.

Слышал, как заведующая орала на молоденькую дежурную врачиху, что приняла больного в явно прединсультном состоянии. Портить статистику по смертям ни одно лечебное учреждение не хочет.

Задача дежурного врача: придаться и правдами и неправдами сплавить серьёзного больного куда-нибудь в кардиологию или неврологию. Задача кардиолога и невролога: «стабилизировать» без пяти минут жмурика, признать его терапевтическим больным и отфутболить обратно. Задача врача «неотложки»: не дать больному помереть в карете скорой помощи, а побыстрее домчаться и скинуть пациента: куда угодно – только скинуть.

Так, бывает, и возят несчастного, а уж у какой службы волею божью помре, кому писать посмертный эпикриз – это как повезёт.

Это только в «Докторе Хаусе» в больнице для бедных реанимация оснащена будто кабина космического корабля. У них бомжа привезут – и всеобщая тревога, тарарам. Бригада как чумовая бежит: «Немедленно на томограф!»

У нас в 7-й терапии спасибо если штукатурка по башке насмерть не пришибёт.

Ещё вот тоже в американских фильмах: чуть что, специальным фонариком светят в зрачки. У нас не то что фонарика – лейкопластыря нет, чтобы зафиксировать иглу в вене. Приматываем скотчем – пламенный привет отечественному здравоохранению! Сам покупаю в аптеке лейкопластырь: рулончик 100 рублей. Боюсь, скоро придётся покупать бинты – тоже катастрофически не хватает.

Заступаю на суточное. В очередной раз обрадовали: нештатная ситуация, моя сменщица не успела ни документы заполнить, ни процедуры провести. Блин, да сколько можно, каждый день у них внештатная ситуация.

Ну да где наша не пропадала. Бодро замурлыкал под нос: *«И живу я на земле доброй за себя и за того парня. Я от тяжести такой горблюсь...»*

К отбою сгорбился в прямом смысле. Стою мокрый как мышь посреди коридора: в одной руке штатив с капельницей, в другой охапка назначений. Ноги, намотавшие за день не меньше 15 километров, дрожат, тыква не соображает. Взгляд бессмысленно шарит вокруг. Должно быть, видок был жалкий. Женщины, совершавшие коридорный променады перед сном, пожалели: «Что уж ты, сынок, себя изводишь, хоть отдых дай». Скажите, блин, это румяным реформаторам из министерства.

До двух ночи заполнял кипу историй болезней. Начинаю осваивать знаменитый медицинский почерк «как курица лапой». На лекции нам привели цифры: за последние 15 лет в российском здравоохранении бумагу «Снежинка» стали закупать в 45 раз больше. Картриджей для принтера – в 140 раз больше! Шумим, братец, шумим! Дела идут, контора пишет.

Управился, лёг – за тонкой стенкой туалет. Там мужик из левого крыла, с раком прямой кишки, на унитазе всю ночь охал и подвывал. Да и трудно уснуть, когда каждую минуту ждёшь, что растолкают: привезут экстренного. Завидую напарнику: того в любое время, в любом месте и любой позе уложи, и хоть *Рамитайн* над ухом вруби на всю мощь – дрыхнет как суслик.

Ура, карантин по случаю ветрянки! Сидим, радуемся непривычной вольнице. Идиллию испортил Игорёк – торчок со стажем, наш постоянный клиент. Ветрянка ему не грозит: переболел в детстве. Воображаю Игорька маленького: ангелочек с пушистыми пузатыми щёчками, с ясными глазёнками, прижимает к груди автомобильчик... Сейчас ему грозит передоз, асфиксия от блевотины, «крокодилова» гангрена, полная утеря иммунитета – богатый наркоманский набор.

Накрылся отдых. Игорёк будет неотвязно ходит по пятам и с тупостью и настырностью умалишённого ныть, выпрашивая «любой укольчик, хоть с кеторольчиком».

Вечером к нему заявила подружка, явно с «дурыю». Непонятно как просочилась через охрану. Обдолбанная парочка повозилась в постели, чего-то не поделила и разодралась так свирепо, что пришлось вызвать полицию.

Обоих увезли. Каково же было моё изумление, когда среди ночи в постели Игорька обнаружил ту самую спящую девицу. На мои требования («позвольте вам выйти вон») – сообщила, что больна сифилисом и СПИДом, и укусит меня, если не отстану. Когда не сработало, пообещала, что накает на меня заяву, что я её сексуально домогался. В доказательство раздвинула чёрные от синяков ноги с таким чудовищно развороченным между ними содержимым, что ну её на фиг связываться.

Дома, захлопнув учебник, с облегчением открыл любимую книгу – и задумался. А ведь мы все своего рода наркоманы. Для кого-то, как для Игорька, наркотик – собственно наркотик, ханка или «герыч». Для кого-то наркотик – водка. Для меня заменитель водки – это книги, я запойный книгочей, хоть кодируй и «торпеду» вшивай – не брошу.

Кто-то с головой ныряет в виртуальную реальность, кто-то – в азартные игры или в секс, а кто-то – в путешествия. Кто-то глушит себя наркотическим адреналином, вроде сёрфинга и покорения горных вершин. Кто-то окунается в огороды, в цветы, в телесериалы. В рыбалку или охоту. Одни счастливы, собирая спичечные коробки. Другие не представляют жизни без общения с людьми, болтовни, дружбы. Самый счастливые – ушедшие в религию.

Для трудоголиков наркотик – работа, для маньяков – крики жертвы. Олигархи получают острый кайф от делания денег, чиновники балдеют и теряют почву под ногами от наркотика власти. Меломаны подсели на музыкальную иглу и пр. Все мы, по-своему, игорьки.

Все хотим отвлечения, покоя, забытья, прерываемого пиками экстаза, восторга... Лиши нас подпитки – придут симптомы как у Игорька в ломке. Беспокойство, неудовлетворённость, тоска, раздражение и жгучее желание немедленно «вколоться» любимым занятием. Всем нам нужен наркотик, чтобы было *куда уйти от жизни*. Чтобы не искать ответа на безжалостный, неотвязный вопрос: *зачем я?*

Иначе поедет крыша. Доктор Юнг сказал:

«Около трети моих пациентов страдают не от невроза, а от бессмысленности и пустоты их жизни».

В интернете гуляет анекдот. Как студенты, во время запарки с ФГС и колоноскопией по случаю диспансеризации, были свидетелями следующей сценки. Взысленный проктолог

выбежал, неся на весу повисшую, как дохлая змея, трубку с эндоскопом. Только что этот эндоскоп на их глазах погулял в кишечных глубинах орущего от боли мужичка.

Врач деловито сполоснул трубку над тазиком и заправил в разинутый рот пациентки. Студентам велел молчать как партизанам, «потому что, молодые люди, данное деяние пахнет уголовной статьёй и, чтоб знали, пойдёте как соучастники».

– Разумеется, Леонид Борисыч! Как вы могли такое подумать, Леонид Борисыч! – галдели молодые люди, только что за спинами выложившие в телефонах бюджетное орально-анальное обследование.

Когда я смотрю на эту средневековую процедуру, каждый раз мысленно провожу аналогию с Катилиной из «Легенды об Уленшпигеле». Помните, инквизиторы всовывали несчастной в плотку шланг с кипятком?

Та же пытка: больные мычат, в ужасе выкатывают глаза из орбит, лихорадочно вцепляются в «кишку», сбивают клеёнку с кушетки, со страшной скоростью суча ногами. Синдром велосипедиста на финишной прямой.

Говорят, что в нормальных клиниках давно используют зонды, тонкие как волос. Ещё говорят, что больным милосердно дают лёгкий наркоз. Ещё говорят, что давно изобретена капсула с мини-камерой. Проглотил, капсула мирно движется по ЖКТ к выходу, тщательно снимая всё на пути. Ещё говорят, в Москве кур доят, а в Рязани грибы с глазами...

Нянечки уходят в четыре дня (оптимизация: экономия на ночных санитарках). Все процедуры: кормление, клизмы, обработка, смена подгузников и белья, подмывание, переворачивание – ложатся на средний медперсонал. Которые за 12 тысяч тянут воз за двоих, а чаще за троих.

С некоторых пор заметил, что оцениваю всех граждан на улице, в магазине, в автобусе, с точки зрения веса и транспортабельности. При виде тех, кто весом за центнер, у меня рефлекторно ноет ущемлённый позвоночный диск и дремлющая паховая грыжа: заработал, перемещающая толстяков с койки на каталку, переворачивая, чтобы поменять простыню. Ау, люди, не жрите столько, а?!

Также, когда делал первые внутривенные, начал делить людей исключительно на 2 типа: вены «мечта наркомана» или «нет вен – найдёшь хрен». Не в смысле найдёшь хрен, а хрен вену найдёшь. Особенно беда с упитанными, кровь с молоком, девчатами. Мнёшь, щиплешь их толстую, тугую сметанную, резиновую кожу – хоть плачь, ни на намёка на сосудик.

– Давайте в кисть, – предлагаю.

– Ой, только не в кисть! Там бо-ольно!

У Катюшки ручки хрупкие и прозрачные, кожица мякенькая и голубоватая как её пушистая пижамка. Игла входит будто по маслу. С восхищением говорит мне: «Ой, какая у тебя лёгкая рука, будто комарик укусил!»

Познакомились, когда во время ночного дежурства обнаружил её рыдающей в курилке: бросил парень. Так и сказал: «Не собираюсь за тобой горшки выносить!» Отпоил девчонку корвалолом.

У неё спинальная травма после автомобильной аварии. Прогноз неблагоприятный, передвигается в коляске. А я бы её на край света на руках отнёс, а потом обратно, и так бы и ходил туда-сюда всю жизнь. Вчера в первый раз поцеловались.

Лечу на дежурства как на праздник. Ищу глазами нашу 7-ю терапию, третий этаж. Угловое окно – наше с Катюшкой условное место. Машет голубым крылышком, мой маленький.

Сегодняшний день запомнился тремя инцидентами.

Травили тараканов. Язвенник Спиридонов до этого приручил, на забаву палате, таракана-альбиноса. Совершенно прозрачный, белёсый: хоть кровеносную и позвоночную систему насекомых по нему изучай. Назвал питомца Спиридоном, Спирей. Кормил тёзку больничной едой, поил из чайной ложки сладкой водичкой. Ночью Спирия бегал где вздумается, а ночью шуршал в коробочке из-под витаминов. «Им нужна только капелька человеческого тепла», – объяснял Спиридонов.

И вот травили тараканов, и Спири нигде нет. Спиридонов лежит в подушку головой, не ест и ни с кем не разговаривает. Надо зайти в общагу, там тараканами кишит. Не может быть, чтобы не нашлось альбиноса, подменить Спирию.

Бабуля с Альцгеймером обкакалась. Пока мыл её дряблые ягодички, смазывал, обсыпал тальком – она отблагодарила. В моё доверчиво склонённое лицо залепила каловыми массами, которые злорадно утаивала в горсточке. Глаза, нос, рот... В дУше, как всегда, жиденькой струйкой бежит едва тёплая ржавая вода. На трое суток потерял аппетит: еда запахом и консистенцией напоминала бабулины фекалии.

Потом больной из «люкса» одновременно со мной схватился за поднос с обедом. Мы изящно препирались, как два английских лорда:

– Юноша, я сам в состоянии донести свой обед.

– Я вас понимаю, но если увидит старшая, мне попадёт. Люксовых больных мы должны обслуживать от и до...

В результате армрестлинга и перетягивания подноса. Победил борщ. На мужчину опрокинулась тарелка, оставив на шёлковой брендовой пижаме оранжевое жирное пятно и капусту. Хороший дядька, посмеялся.

Хотя мужики бывают разные. Вот один закатил рукав после моей безуспешной попытки поймать склеротическую, скользкую как мыло, шишковатую вену. Поморщился: «Э, парень, медицина явно не твой конёк». Знал ведь, как больнее поддеть. А ведь я этого 198-килограммового дядьку на закорках в туалет таскал, на толчок подсаживал, штаны снимал-надевал, подтирал... И вот вместо спасибо.

Вообще-то хирургу, анестезиологу, наркологу умение делать внутривенные всегда пригодится. Но хорошо бы эти премудрости спокойно постигать на интернатуре. Если честно, после того майского нововведения – ни учёбы, ни работы.

На лекциях ребята с ночной забиваются на «камчатку» и дружно отсыпаются. Потом сон аукнется такими же дружными отработками, но это потом. А сейчас спать, спать, спать, спать...

Меня за 9-минутное опоздание на пару препод заставил тупо переписать от руки (!) 9 листов машинописного реферата. По странице за минуту. Пытался объяснить ему по-человечески, что я же не стайер и за час не успею добраться с работы до учёбы. Он сурово отрезал: «Учёба – вот ваша работа». Ты, блин, это министру скажи.

...А на работе, зевающие, дрожащими от набивания учебных текстов руками мы ловим вены. В терпилах, как всегда, остаются больные.

В отделение положили батюшку. Я думал, что для священников, как для чиновников и депутатов, существует отдельная от холопов, супер-пупер навороченная больница. Впрочем, отец Василий из дальнего района, приход у него малочисленный и бедный.

Когда я пожаловался на тесноту родительской «хрущёвки», он осведомился, есть ли вода, газ, тёплый туалет – и воскликнул: «Да это же хоромы!» Сам он с матушкой и четырьмя детьми живёт в брошенной, ничейной избе. От кого-то из сельских больных-прихожан я узнал, что отца Василия в глушь «сослала» столичная епархия «за вольнодумство». Вот откуда у него московский приятный, мягкий, акающий говорок.

Отец Василий смешлив и любопытен как ребёнок. Никогда не лежал в больнице, и его живо интересует всё: от того как устроены подъёмные стропы для носилок, до принципа работы измерителя давления и ЭКГ. Сознает, что грешен, и комично в лицах представляет случаи тщетной борьбы с бесом. Внешне напоминает актёра Леонова: на большой, неуклюже слепленной картофелине – нос-картошка поменьше.

Когда я вошёл в палату, почувствовал изменения: то ли отопление включили, то ли окна помыли, то ли на улице посветлело. Хотя над городом уже неделю висит сырое тяжёлое одеяло плотных октябрьских облаков.

А это, оказывается, новый пациент, отец Василий. Обжился на продуваемой коечке у окна, на которую никто не хотел ложиться и из-за которой вспыхивали скандалы. Свесил маленькие ножки в шерстяных носках и негромко о чём-то беседует с соседом – как родничок журчит. Все больные повернули проясневшие лица в его сторону, будто гвоздики к магниту.

А самое главное, лежащий в углу парализованный Иванишин молчит! У Иванишина отказало всё, кроме голосовых связок. Он круглосуточно терроризировал палату бесперебойными непристойными выкриками. Это при том, что всю жизнь был очень тихим и деликатным человеком. Жена охала: «Бесстыдник, замолчи, откуда взялось! Поверите, в жизни скверного слова не сказал. Доктор, что с ним?!»

А с ним синдром Туретта, бедняга ни сном ни духом не виноват. При ишемическом инсульте бывает такой нейрофизиологический эффект. Определённый участок мозга активизируется и начинает непроизвольно хулиганить, богохульничать.

Вообразите, палата спит, а каждые полчаса её будят пронзительные «х...», «б...» и «е...». Днём не лучше – на свидания приходят женщины, дети... Иванишин довёл больных до того, что обещали его придушить подушкой.

Отец Василий на это сказал: «Но ведь, главное, не **В** человека, а **ИЗ** человека. Бес это, дьявол прочь изгоняется. Душа самоочищается.

– Ну, тогда порадуемся за матерщинников на улице, – предложил я. – Вот уж кто активно самоочищается.

– Так и есть, – кротко согласился батюшка. – Слишком много грязи скапливается в человеке, негде больше помещаться. Это как из кастрюли через край выплёскивается серая пена. Или гной булькает из лопнувшего чирья.

Отец Василий вызвался помочь убрать за лежащими. Неся по тёплой утке в каждой руке, простодушно в тему признался, что однажды, ещё в семинарии, ему приснился мерзопакостный сон. Будто изо рта у него лезут черви, много червей: белые, жирные. Проснулся в смятении, содрогаясь, в холодном поту, встал на молитву. И открылось: те черви – тайные скверные мысли и сомнения. Бог, он даже ночью заботится о грешниках.

Выливая содержимое утки, отец Василий залил кафель и страшно сконфузился:

– Руки у меня неумехи, прости Господи. Только духовные книги умеют листать. Матушка сама полочки прибавляет, проводку чинит. «Окушку» научилась водить, да так лихо! Я закрою глаза и кричу: «Дашенька, поберегись ради Христа, не дай преставиться без покаяния!»

Когда я подошел с трамадолом к Иванишину, батюшка отвёл мою руку. Склонился над ним, пошептал, осенил крестом – и вот уже Иванишин порозовел, прекратил оглашать палату истошными криками. Затих, устремив блестящие глаза в потолок.

А я всё равно укол сделал: отметка в тетрадке учётов сделана, и я должен предъявить пустую ампулу.

Прав отец Василий: чудо есть. Неблагоприятный прогноз не оправдался. Катя моя уже забавно прыгает на костыликах (сам подбирал по её росту в травме).

– Как дела, Катюхин?

– Дела как сажа бела.

Хромаю на одну ножку,

А живу понемножку! – хохочет она.

После двенадцати пробирается в сестринскую. Я делаю массаж ножек, чтобы они стали такими же быстрыми, крепкими и упругими, как до аварии на фотках в её инстаграме. Целую ножки, спинку, животик – всё... Мы болтаем, строим планы на лето. Здорово было бы поехать на северные озёра или на Байкал. У меня в гараже застоялся старый «форд». Заработаю денег, подшаманю – и в путь.

Жаль, что я не пишу стихов. А то бы написал, что Катюшка – земляничный ветерок в больничных душных испарениях хлорки, мочи и лекарств. Серебряный колокольчик среди жалоб, стонов и металлического звяканья инструментов. Солнечный зайчик в мире коричневой масляной краски, тусклого мигающего света и пузырястого старого линолеума.

Зато я знаю латынь.

– Amor non est medicabilis herbis.

– Как красиво! – восхищается Катюшка. – Что это значит?

– Любовь не лечится.

Позавчера бабушка шла в туалет, споткнулась о рваный линолеум и сломала шейку бедра. Родные, до того носа в больницу не казавшие, тут же примчались вопя как сирены. Грозили подать в суд на больницу, с возмещением вреда на миллион рублей. Заведующая на нервах.

Наш юрист объясняет ЧП развязавшимися шнурками: бабушка оплетала ими растоптанные тапки, чтобы не спадали с тощих ножек. Так что в роли обвиняемых запросто может оказаться алчная родня: на новую обувь денег пожалела. Итак, кто кого: тапки против линолеума, адвокат против адвоката. Как всегда, за тем, кто окажется ближе к телу судьи.

Вообще, нынче засудить медика – как два пальца об асфальт. Был бы врач – а статья найдётся. У начальницы местной страховой компании здоровенный зуб на нашу заведующую, и она не замедлила его показать.

Бывают тайные покупатели, а к нам заслали тайного больного. Перед инъекцией сестра протёрла зону укола спиртовым тампоном привычными, энергичными движениями *вверх-вниз*. Тогда как по пункту последней инструкции полагается место укола обрабатывать *круговыми* движениями. Что и засняла подсадная утка на свой мобильник. Сестре выговор, больнице штраф.

А на моих руках умерло 7 человек. После того как врач свидетельствует время смерти, приходит моё время. В мертвецкой (зауток в коридоре, задёрнутый простынёй) подвязываю челюсть бинтом, закрываю глаза мягкими послушными веками. Фиксирую руки и ноги верёвочкой. Через два часа мужик из морга транспортирует труп на каталке.

Всезнающие пациентки пищат и прячутся по палатам, потому что все до ужаса боятся покойников. Потом у них срочно находятся дела в коридоре, и они шастают мимо с вывернутыми шеями и разинутыми от любопытства ротиками. Будь их воля, приподняли бы простыню и впились жадными взорами в покойника. Чтобы было что рассказать ахающим подружкам в палатах. Скучно в больнице!

Домашние меня спросили:

– А что ты чувствуешь, когда имеешь дело с мёртвым человеком?

Не захотелось отвечать на праздный вопрос.

– Зачем вам знать, что я чувствую?

Когда хожу по городу, стал ловить себя на мысли. Как нестерпимо остро, до слёз жалко нас всех, разных: злых и добрых, бедных и богатых, красивых и уродов. Сроднённых одним: не умеющих быть счастливыми, суевливых, подверженных болезням. В сущности, все мы приговорены к гниению заживо, к смертной казни, с отодвинутым на неопределённый срок исполнением приговора. А вот же суедемся, кричим, машем руками, бежим и едем куда-то.

Хочется по-шукшински крикнуть: «Люди, милые!»

Наличие рая отец Василий объясняет просто. Когда мы счастливы – то не замечаем своего состояния. Принимаем без благодарности как нечто само собой разумеющееся, как должное. Как младенцы – всеобъемлющую материнскую любовь и её грудь – источник сладкого молока, и тёплую сухую колыбель. Если постель холодная и мокрая – младенец колотит ножками и громким криком выражает возмущение.

Так и мы не чувствуем счастья, как не замечаем температуры тела 36, 6. Но сразу бьём тревогу, если она слегка отклонится от нормы. Несчастья и несправедливости воспринимаются нами крайне обострённо и болезненно, как нечто аномальное.

Всё это, по мнению отца Василия, и свидетельствует о том, что человек был создан для счастья. В нём с генами прародителей Адама и Евы сохранились отголоски безмятежной и счастливой жизни в раю.

Для меня религия – как алгебра для двоечника. Смотрю в задачник: сплошные вопросы, и нет ответа в конце задачника.

Вопросы, вопросы... В каких сумерках бродит душа Иванишина, лежащего как бряква в овощехранилище?

И что есть душа – сгусток света, тёпленький пар, дыхание? Но дыхание — *это физиологический процесс, обеспечивающий нормальный обмен веществ и энергии, способствующий поддержанию гомеостаза, получая из окружающей среды кислород и отводя в газообразном состоянии часть продуктов метаболизма...* Ночью разбуди – отбарабаню.

И где, в каком месте живёт душа? Точно не в мозге, мозг – это компьютер, душа и мозг – антиподы. И уж явно не в сердце – оно не более чем кусок неодушевлённого мяса, мышца, насос по перекачиванию крови.

Отец Василий считает, что Бог – это совесть. Совесть – понимание, что такое хорошо и что такое плохо. Лабораторных мышей за плохое поведение бьют током. Вколачивают мысль: это плохо – накажут. Это хорошо – вот тебе кусочек сахара.

– Что-то праведные мыши не часто получают кусок сахара, – ворчу я. – Скорее наоборот.

– Сейчас не получают – получают потом, – добродушно усмехается отец Василий.

– На том свете, что ли?

– Может, и на том. Ты лучше подумай: ведь кто-то же проводит эксперимент с мышами? Стало быть, существует и лаборатория, и главный учёный?

Понятно, за какие речи неблагонадёжный батюшка был откомандирован на периферию. Вслух же с досадой говорю:

– Вы сами, отец Василий, себе противоречите. С душой опыты не прокатят. Память – это свойство мозга, а мозг смертен. Душа довольно-таки примитивно выглядит: некая невразумительная, неразумная, безмозглая субстанция, без памяти и без привязанностей...

Так мы беседуем за тумбочкой, лакомясь малиновым вареньем – уваренным матушкой Дарьей густо, но при том сохранившим не мятые ягоды и свежий лесной дух. Вся палата угощается и хвалит, а счастливый отец Василий кивает лысой леоновской головой:

– Кушайте, кушайте на здоровье. Матушка ещё привезёт, весь чулан банками заставлен.

Сегодняшний день богат событиями.

Выписался Спиридонов. Ушёл счастливый, прижимая коробочку с тараканьим альбиносом.

Старик из второй палаты назвал «сыном» и подарил чётки. Чётки янтарные, потрескавшиеся и тёмные от старости, обкатаны пальцами до идеальной гладкости. Когда ночью он метался в бреду с температурой сорок, я сидел рядом и не давал срывать катетер. На рассвете оба уснули на его подушке, голова к голове. Я про тот случай забыл, а он помнит.

По случаю Нового Года и выписки бабули с деменцией, сёстры на радостях сделали складчину. Не только мне она устраивала коварные фекальные умывания.

Из сестринской несутся умопомрачительные запахи разогреваемых в микроволновке домашних пирогов. Принюхиваясь, поспешно инструктирую бабулиных родных о домашнем уходе. Что пролежни нужно сушить синей лампой и ежедневно обрабатывать шампунем с водкой. На дно ведра, чтобы не пахло мочой, наливать чуть-чуть воды с уксусом и пр.

Меня бросила Катя. Неделью назад, убрав костыли и сплывав передо мной «цыганочку» на слабых ещё ножках, уехала и сразу перестала брать трубку. Сегодня позвонила и попросила её не искать. К ней вернулся парень. «Ты очень, очень милый, добрый, симпатичный. Но ты же понимаешь, в больнице ужасная скука, чем ещё заняться».

После обеда пришло долгожданное электронное письмо из престижного частного центра диагностики «Сердце на ладони».

Освободилось место медбрата в кабинете МРТ, полставки на выходных. Я там был ранней осенью, оставил резюме. Запомнилась обстановка: тишина, всюду хрустальные торшеры и бра, благоухание, цветы в кадках, ковры. Персонал в розово-голубом полупрозрачном нейлоне, как ангелы. Благодарные пациенты, которых счета в десятки тысяч рублей волшебным образом превращают из фурий в робких шёлковых овечек. Работа чистенькая, тихая, спокойная: подготовка больных, ведение документации.

На обдумывание дали два дня. Поблагодарил, написал вежливый отказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.